

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ РУССКОГО АНТИФЕДЕРАЛИСТА: РАДИЩЕВ, КОНДОРСЕ И АМЕРИКАНСКАЯ КОНСТИТУЦИЯ*

Андрей Зорин

Оксфордский университет,
Оксфорд, Великобритания;
Московская высшая школа социальных и экономических наук,
Москва, Россия

THE INTELLECTUAL ADVENTURES OF A RUSSIAN ANTI-FEDERALIST: RADISHCHEV, CONDORCET, AND THE AMERICAN CONSTITUTION**

Andrey Zorin

University of Oxford,
Oxford, UK;
Moscow School of Social and Economic Sciences
Moscow, Russia

This article suggests a new understanding of a shift in Radishchev's perception of American democracy from the early version of *Ode to Liberty* to the final text of *A Journey from St Petersburg to Moscow*. The historical and political theories present in *Ode to Liberty* are interpreted not as an abstract social utopia but as a reaction to the revolution in British colonies and an attempt at establishing a new society based on the ideals of equality and freedom. The adoption of the American constitution was the main reason for Radishchev's disappointment in the USA. The evolution of Radishchev's views is analysed within the context of the American debate between the Federalists and the Antifederalists and the discussions about the New World

* Статья написана в рамках НИР ШАГИ РАНХиГС «Конструирование актуальности в интеллектуальной культуре Нового времени».

** Citation: Zorin, A. (2021). The Intellectual Adventures of a Russian Anti-Federalist: Radishchev, Condorcet, and the American Constitution. In *Quaestio Rossica*. Vol. 9, № 2. P. 679–701. DOI 10.15826/qr.2021.2.603.

Цитирование: Zorin A. The Intellectual Adventures of a Russian Anti-Federalist: Radishchev, Condorcet, and the American Constitution // *Quaestio Rossica*. Vol. 9. 2021. № 2. P. 679–701. DOI 10.15826/qr.2021.2.603 / Зорин А. Интеллектуальные приключения русского антифедералиста: Радищев, Кондорсе и американская конституция // *Quaestio Rossica*. Т. 9. 2021. № 2. С. 679–701. DOI 10.15826/qr.2021.2.603.

in France, especially the political philosophy of Nicola Condorcet and the debates on the representation of the slave-owning colony of Santo Domingo in the *Assemblée nationale*. The article studies the key sources of information that may have influenced Radishchev's opinion and analyses the common features of Radishchev's ideas about the US Constitution and his critical approach to the "abolitionist" wing of the Antifederalists. His disappointment in the American experience had a decisive impact on Radishchev's political philosophy: the adoption of a federalist constitution and the preservation of slavery meant for him the collapse of all hopes for reshaping society on more humane and just grounds. This led to the adoption of apocalyptic tones in the final version of *Ode to Liberty*, as the author's hopes for a better future now depended not upon any political activity, but upon the intervention of providential forces.

Keywords: A. N. Radishchev, anti-Federalism, Condorcet, Enlightenment, constitutionalism, history of political thought

Автор предлагает новое понимание изменения взглядов А. Н. Радищева на американскую демократию от ранней редакции оды «Вольность» до окончательного текста «Путешествия из Петербурга в Москву». Историко-политическая концепция Радищева, представленная в оде «Вольность», рассмотрена не как абстрактная утопия, но как непосредственный отклик на революцию в английских колониях и попытку учреждения нового общества, основанного на идеалах равенства и свободы. Показано, что основной причиной разочарования Радищева в США стало принятие американской конституции. Эволюция взглядов русского мыслителя рассматривается в контексте как полемики федералистов и антифедералистов в США, так и споров о Новом Свете во Франции, и в особенности политической философии Н. Кондорсе и дебатов о представительстве рабовладельческой колонии Санто-Доминго во французском Национальном собрании. В статье выявлены и рассмотрены возможные источники, из которых Радищев черпал информацию о ходе событий в США и Франции, детально проанализированы черты сходства между взглядами Радищева на конституционный порядок США и критикой американской конституции со стороны «аболиционистского» крыла антифедералистов. Разочарование в американском опыте имело исключительное значение для политической мысли Радищева: принятие федералистской конституции и сохранение рабства означали для русского мыслителя крах надежд на осуществление переустройства общества на гуманных и справедливых основаниях. Это придало идеям Радищева, высказанным в окончательной редакции «Вольности», апокалиптический характер, надежды автора на лучшее будущее человечества отныне связывались уже не с сознательной политической деятельностью, но с вмешательством провидения.

Ключевые слова: А. Н. Радищев, антифедерализм, Н. Кондорсе, Просвещение, конституционализм, история политической мысли

Ода Радищева «Вольность» и история ее переработки не раз становились предметом внимания исследователей [Западов; Живов; Семенников; Старцев, 1990 и др.]. Однако для полноценной интерпретации произведения необходимо поставить оду в контекст американской и французской политической мысли 1780-х гг. Речь пойдет не столько о непосредственной рецепции Радищевым конкретных произведений, сколько о круге идей, значимых для писателя в годы, когда он обдумывал и создавал «Путешествие из Петербурга в Москву».

На отражение в оде событий американской революции первым указал в 1923 г. В. П. Семенников, установивший, что «словутая страна», к которой обращается Радищев в оде и где он мечтал быть похороненным, это не Франция, как было принято считать, но Америка. Семенников также выявил основной источник Радищева – книги Г. Т. Рейналя «Истории... двух Индий» и «Революция в Америке» – и указал на изменение отношения Радищева к США, проявившееся в основном тексте «Путешествия...». Радищев, высоко оценивая свободу печати, гарантированную конституциями американских штатов, подверг суровой критике рабовладение. Семенников показал, что самые крамольные фрагменты оды Радищев оставил без изменений, опровергнув установившуюся точку зрения, согласно которой сокращения в печатном тексте были продиктованы цензурными соображениями [Семенников, с. 2–11].

В дальнейшем исследователи сумели дополнить и уточнить некоторые положения его концепции. Л. Бек обнаружил источник сведений Радищева о конституциях американских штатов – французский сборник, вышедший в 1778 г. [Beck, p. 195]. А. Старцев обратил внимание, что в итоговом тексте «Вольности», вошедшем в состав «Путешествия...», все американские строфы выпущены [Старцев, 1990, с. 281–306]. Н. Болховитинов соотнес взгляды Радищева на американские события с общим контекстом русской журналистики 1770–1780-х гг. [Болховитинов]. К. Рукшина указала на зависимость некоторых положений Радищева от идей, высказанных в трактате американского революционера Томаса Пейна «Здравый смысл» [Рукшина]. Итоги подвел в академическом издании «Путешествия...» В. Западов. Он уточнил датировку «Вольности», выявив этапы работы и соотношение различных редакций, а также исправил многочисленные ошибки предшествующих публикаций [Западов, с. 572–597].

По прошествии столетия со времени появления пионерской работы В. Семенникова можно утверждать, что сформулированная им концепция выдержала испытание временем. Тем не менее, анализ и самой оды, и ее исторического контекста позволяет развить и радикализировать положения, выдвинутые исследователем, и показать, что первоначальная редакция «Вольности» – не просто философское размышление, где современные события используются для иллюстрации выдвинутых автором тезисов, но именно ода на американскую революцию.

При таком прочтении композиция первой полной редакции оказывается при всей ее внешней запутанности вполне последовательной и логичной. Первые 12 строф посвящены борьбе вольности и рабства, шесть из них посвящены главным святыням вольности – свободе, собственности и закону, а шесть – «троякой стене» монархии, религии и невежества, воздвигнутой гидрой деспотизма. В 13-й строфе появляется «мститель», а строфы с 14-й по 22-ю рассказывают о народной революции и казни деспота. Затем эта общая концепция наполняется реальным историческим содержанием: в строфах 23–28 речь идет о великих людях, подготовивших американскую революцию, – Кромвеле, который сначала установил казнь Карла твердь свободы, а потом сокрушил ее собственной тиранией, Лютере, «сломившем опор духовной власти», и Галилее, утвердившем в небе «светило дневно». Таким образом, средствами к достижению вольности становятся республиканский строй, свобода вероисповедания и просвещение. После открытия Колумбом «неведомы страны» этим дарам небес суждено расцвести в Новом Свете.

С 29-й строфы открывается политический и идеологический смысл оды. Со строчки «Так дух свободы...» и до конца 37-й строфы Радищев прославляет победоносную революцию в американских колониях Британской империи, а с 38-й по 44-ю строфы предостерегает, что вновь обретенной свободе грозит опасность переродиться в анархию, из которой снова возникнет деспотизм. Затем следует призыв «блюсти дар благой природы», обращенный к «счастливым народам, где случай вольность даровал», и строфа, в которой автор говорит о мечте быть похороненным в «словутой стране».

Начиная с 47-й строфы Радищев переходит от прославления Америки к пророчеству о будущем «отечества драгого». Он отказывается от надежды умереть в Новом Свете («Но нет! Где рок сулил родиться, да будет там и дням предел»), предсказывает грядущее падение Российской империи и возникновение на «развалине огромной» содружества «малых светил» – небольших государств, объединенных в конфедерацию наподобие североамериканской, что станет рассветом «блестящего дня» обновленного человечества. Политика, историософия и космология сливаются здесь воедино.

В версии оды, опубликованной в тексте «Путешествия...», акценты расставлены иначе. Первая ее половина подверглась относительно незначительным сокращениям, но апофеоз американской революции вместе с упоминаниями о Лютере, Галилее и Колумбе был изъят полностью. Строфа о Кромвеле и казни короля в тексте сохранилась, но исчезла какая-либо связь между этими событиями и возрождением свободы в американских штатах. Фрагмент был заменен кратким резюме: «В следующих одиннадцати строфах заключается описание царства свободы и действия ее, то есть сохранность, спокойствие, благоденствие, величие» [Радищев, 1992, с. 101].

Затем Радищев излагает теорию, по которой «из мучительства рождается вольность, из вольности рабство» и «прорицание о будущем жребии отечества». Упоминания о «словутой стране» здесь нет, автор лишь замечает, что его отечеству суждено «разделиться на части, и тем скорее, чем будет пространнее» [Радищев, 1992, с. 102]. В прозаическом пересказе ода по-прежнему завершается «гласом божества» и явлением вольности, но ее текст утрачивает какую бы то ни было историческую конкретику, превращаясь в абстрактное философское рассуждение, а историософская модель становится куда более пессимистической – вместо наступления царства разума поэт предвещает цикл вселенских катастроф.

Столь же радикальному пересмотру подверглись и взгляды автора на Америку. В главе «Хотиллов» Радищев, по существу, проклинает страну, которую незадолго до того просил упокоить его прах: «О, дабы опустеть паки обильным сим странам! дабы терние и волчец, простирая корень свой глубоко, истребили все драгие Америки произведения» [Там же, с. 70]. Подобные суждения повторяются и в других главах.

В научной литературе принято связывать эту метаморфозу с утратой Радищевым надежд на скорую отмену рабства в Соединенных Штатах [Там же, с. 658]. Эта мысль, справедливая сама по себе, выглядит все же недостаточной, чтобы объяснить столь резкий переход от апофеоза к проклятиям, тем более что об ужасах рабовладения и торговле невольниками Радищев был осведомлен с самого начала – об этом, в частности, писал столь сильно повлиявший на него Рейналь. Разочарование Радищева в американской республике носило более всеобъемлющий и системный характер. Развитие событий подтвердило его худшие опасения относительно неизбежности перерождения вольности в деспотизм и развеяло надежды на то, что вновь образовавшиеся Соединенные Штаты станут счастливым исключением из этого правила.

По мнению В. Семенникова, первая редакция «Вольности» была написана в 1783 г. Эта дата была уточнена Н. Болховитиновым, обратившим внимание на строфу, где автор изображает торжество получившей свободу республики: «Двулична бога храм закрылся, / Свирепство всяк с себя сложил, / Се бог торжеств меж нас явился / И в рог веселый вострубил». Ученый указал, что ода, «вероятнее всего... написана сразу же вслед за опубликованием в газетах известий о победоносном окончании войны» за независимость, завершившейся подписанием Парижского мирного договора 3 сентября 1783 г. [Болховитинов, с. 124–125]. Учитывая объем и философскую сложность «Вольности», можно предположительно датировать время работы писателя над ранней редакцией концом 1783 – 1784 г., хотя нельзя исключить, что она могла быть написана и немного позднее. В то же время В. Западов установил, что все промежуточные и окончательные редакции создавались уже в 1788–1790 гг. в процессе подготовки «Путешествия...» к печати, причем «американские» строфы 30–37 были выпущены практически сразу.

На наш взгляд, отказ Радищева от американской тематики отразил не только крушение его надежд на скорую отмену рабства, но и фундаментальный пересмотр его политической концепции. Решающую роль в этом процессе сыграло принятие в 1787 г. конституции США.

По словам В. Западова, в строфах, впоследствии снятых автором, нарисована «своего рода социальная утопия» [Западов, с. 594]. Однако, как заметил еще Л. Пумпянский, говоря об одах Ломоносова, «приметой классического стиля является парадоксальное соединение крайней общности с крайней же бытовой единичностью» [Пумпянский, с. 30–31]. Утопия «Вольности» – это в то же время изображение Соединенных Штатов Америки после победы в войне за независимость. Некоторые американские аллюзии были уже выявлены А. Старцевым [Старцев, 1990], однако его сопоставления нуждаются в дополнениях, а главное – в сведении в последовательную картину.

Радищев начинает центральную часть оды с воспевания духа свободы: «Нетрепетно с ним разум мыслит / И слово собственностью числит, / Невежства, что развеет прах» [Радищев, 1992, с. 132]. Свободе печати и мысли Радищев придавал решающее значение: в «Кратком повествовании о происхождении цензуры» он цитирует конституции Пенсильвании, Делавэра, Мериленда и Виргинии, утверждающие незыблемость свободы печати как «наивеличайшей защиты свободы государственной» [Там же, с. 91]. Никаких других похвал Америке в «Путешествии» нет. Именно строфу о свободе слова, единственную из всего «американского» фрагмента, Радищев сохранил и в окончательной редакции оды.

Вирджинская декларация прав, принятая в июне 1776 г. и послужившая прообразом Декларации независимости США, говорила о естественном праве человека «наслаждаться жизнью и свободой, включающей в себя право приобретать и иметь собственность». В 30-й строфе «Вольности», с которой начинается выпущенный при редакции фрагмент, говорится, как пастырь, слышащий «глас свободы», «брежет» свой скот: «О стаде сердце не радело, / Как чуждо было, не жалело; / Но ныне, ныне ты мое». И свое поле: «Как мачеха к чуждоутробным / Исходит с видом всегда злобным, / Рабам так нива мзду дает. / Но дух свободы ниву греет, / Бесслезно поле вмиг тучнеет: / Себе всяк сеет, себе жнет». Радищев представляет себе Америку как страну фермеров, гражданская свобода которых неразрывно связана с их землевладением.

Дальше речь идет о праве на наслаждение жизнью. «Исполнив круг дневной работы, свободный муж» обретает счастье в кругу семьи, в объятьях избранной им по собственной воле супруги. Дети этой счастливой пары «Безбедны дойдут до кончины, / Не зная алчной десятины, / Птенцов что корчит в наготе». «Алчная десятина» – это фиксированная земельная рента, запрещенная конституциями ряда штатов, с протеста против которой началась американская революция.

В следующей строфе историческое содержание утопии Радищева выходит на поверхность, поскольку здесь прямо назван Вашингтон, вождь «стершей зверство рати». Но главное, что вызывает восхищение автора оды, это принцип организации американской армии, представляющей собой не регулярное войско, набранное из безгласных рекрутов, но ополчение свободных граждан: «Не скот тут согнан поневоле, / Не жребий мужество дарит, / Не грудя правильно стремится, / Вождем тут воин каждый зрится». Такое войско оказалось способно победить английскую армию, и потому весь народ может теперь торжествовать победу: «Сплетясь веселым хороводом, / Различности надменность сняв, / Се паки под лазурным сводом / Естественный встает устав; / Погрязла в тине властна скверность, / Единая личная отменность / Венец возможет восхитить; / Но не пристрастию державну, / Опытностью лишь старцу славну / Его довлеет подарить» [Радищев, 1992, с. 132–134].

Эта строфа еще не стала предметом исторического комментария, а между тем ее аллюзионный фон очень существенен. «Естественный устав» – это конституции американских штатов и Декларация Независимости, в основу которых была положена ссылка на неотъемлемые права человека, дарованные природой и Богом. По мнению авторов этих документов, Бог создал людей равными, соответственно, упразднились земельная аристократия и наследственные привилегии, «различности надменность», как определяет Радищев сословную дифференциацию. «Властна скверность» – это монархия, которая заменяется выбором во власть самых достойных по «личной отменности». И, наконец, старец, славный «опытностью», вне всякого сомнения, Бенджамин Франклин.

После победы в войне за независимость очевидным претендентом на роль главы новой республики был Джордж Вашингтон, к которому, по мнению Радищева, должно было склониться «пристрастие державно». Предвидя такое развитие событий, Вашингтон подал в отставку с поста главнокомандующего Континентальной армией и удалился в свое имение Маунт Вернон. С его точки зрения, республиканские добродетели основывались на самосознании свободного фермера. Жест Вашингтона был ориентирован на легенду о римском полководце Луции Квинкции Цинциннате, который после блистательных побед каждый раз возвращался к земледельческим трудам [Wills].

Радищев с его интересом к римской истории не мог остаться глухим к этой параллели. Позднее в «Песне исторической» он писал о Цинциннате: «Врагов Рима победивши, / Он нисходит в чин простого / Гражданина; и приемлет / Паки он свое орудье» [Радищев, 1938–1952, т. 1, с. 88]. Лучшей кандидатурой на роль лидера обновленной конфедерации был для него Франклин. Ученый-естествоиспытатель, публицист, издатель и дипломат, он был, по мнению Радищева, огражден от монархических соблазнов и возрастом, и жизненным опытом – Франклину было 77 лет.

Конституционный процесс и создание Соединенных Штатов Америки как федеративного государства разрушили эти упования. Решение о созыве Конвента Конфедерации было принято в феврале 1787 г. Первоначально его повестка ограничивалась пересмотром «Статей Конфедерации», однако постепенно депутаты перешли к работе над созданием конституции, учреждавшей совершенно новое государство. Дискуссии на конвенте были закрытыми, что вызвало критику Томаса Джефферсона; его протоколы были опубликованы только в 1847 г. [Graham, p. 14], однако, когда работа над конституцией была закончена, и она была передана на ратификацию штатам. По всей стране началась полемика, вошедшая в историю как спор федералистов и антифедералистов. В сентябре 1788 г. конгресс принял постановление о введении в действие конституции, ратифицированной к тому времени 11 из 13 штатов. В феврале 1789 г. первым президентом США был избран Дж. Вашингтон.

Суть и этапы этой дискуссии о государственном устройстве, отразившейся в сотнях и тысячах текстов, созданных обеими сторонами, многократно прослежены историками [Bailyn, 1990; Lim; Siemers]. Здесь достаточно сослаться на два документа, вряд ли известных Радищеву, но близких ему по духу, проливающих свет едва ли не на все значимые аспекты проблемы.

3 ноября 1787 г. в филадельфийской газете *Independent Gazetteer* появился памфлет, автор которого подписался как «офицер бывшей Континентальной армии»¹. С антифедералистских позиций он обрушился на предлагаемую конституцию, назвав ее «политическим монстром». Памфлетист обращался к депутатам ассамблеи Пенсильвании, которым предстояло принять решение о ратификации, с призывом остановиться на «краю страшной пропасти», «если священное пламя свободы еще не погасло в их груди». Он обвинил создателей конституции в том, что они хотят сделать американцев рабами, навязав хартию, лишаящую их свобод, за которые проливали кровь лучшие сыновья Америки. По мнению «офицера», грядущие деспоты прикрываются именем Франклина, хотя их план полностью противоречит написанной им конституции Пенсильвании. Именно поэтому имя «достойного патриота» не вошло в число кандидатов на будущих выборах президента [Baylin, 1993, vol. 1, p. 103–104].

23 аргумента, выдвинутых памфлетистом, сводятся к нескольким базовым положениям, которые соответствуют кругу вопросов, волновавших Радищева. Как полагает автор, конституция нарушает права штатов, создавая вместо конфедерации централизованное государство (§ 1, 3–7). Она дает конгрессу власть над жизнью, свободой и собственностью граждан, не содержит упоминания об их неотъемлемых естественных правах и, напротив того, ограничивает юрисдикцию суда присяжных и создает опасности для свободы печати (§ 2, 8, 9). Она

¹ Здесь и далее перевод документов автора статьи.

позволяет содержать регулярную армию в мирное время и ставит народные ополчения под контроль Конгресса (§ 10, 21), ликвидирует разделение властей, формирует подобие аристократического правления в Сенате и Верховном суде и учреждает институт президентства, наделенный огромными полномочиями и представляющий собой, по сути дела, выборную монархию (§ 11–19). Содержание армии и центрального правительства ляжет невыносимым бременем на граждан и потребует специального налогообложения (§ 22). В заключительном § 23 «офицер» подводит итог своим инвективам, утверждая, что принятие конституции вполне и твердо установит правительство, основанное на монархическом и аристократическом принципе, а свобода останется только названием, «украшающим краткую историческую страницу рассветных дней Америки» [Bailyn, 1993, vol. 1, p. 100–104].

Месяцем позже, 7 декабря 1787 г., в *The Massachusetts Gazette* было напечатано анонимное письмо с обоснованием причин, по которым штат Род Айленд отказался послать свою делегацию на конституционный конвент. Как пишет автор:

Новая конституция, предложенная конвентом, подразумевает выборную монархию, представляющую собой худший тип правительства. Чтобы поддерживать деятельность такого правительства, потребуются огромные расходы, из-за чего наши налоги, право устанавливать которые теперь принадлежит исключительно Конгрессу (что превращает все штаты в обычные корпорации), удвоятся или утроятся. Свобода печати ничем не гарантирована и потому может быть нарушена по прихоти. Верховный суд окажется высшей апелляционной инстанцией почти по всем делам, что, по существу, лишает значения суд присяжных. Конгресс сможет гарантировать всем штатам право ввозить негров в течение двадцати одного года, в течение которых некоторые штаты, уже запретившие эту отвратительную торговлю, смогут возобновить ее, поскольку частные законы штатов теперь тоже подлежат ведению Конгресса. Будет установлена постоянная армия, что возвысит порочных лицемеров, отбывающих службу, и повергнет в отчаяние храбрых и добродетельных патриотов [цит. по: Borden, p. 39–40].

Проблема рабовладения особенно волновала Радищева. Антифедералистское движение раскололось на два враждебных лагеря – плантаторы из южных штатов опасались, что федеральное правительство ограничит их право владеть рабами, а противники рабства, наоборот, беспокоились, что оно окажется слишком терпимым к этому институту. Пенсильвания, к законодателям которой обращался автор памфлета, была первым из штатов, запретивших рабство. За ней последовал еще ряд штатов, а некоторые другие запретили ввоз новых рабов из-за пределов США [Kolchin, p. 67–80]. На конституционном конвенте, однако, федералистам удалось обеспечить себе победу благодаря довольно запутанному компромиссу.

Проект конституции закреплял статус-кво, при котором в одних штатах рабовладение было запрещено, а в других разрешено, а запрет на ввоз рабов отодвигался на 20 лет, до 1808 г. Явным шагом назад, с точки зрения противников рабства, было требование возвращать хозяевам беглых рабов, перешедших на территорию свободных штатов, – тем самым подтверждалась легальность права собственности на людей. Рабы не получали права голоса, но при подсчете численности населения, важном для определения представительства штатов в Конгрессе, раб приравнялся к трем пятым свободного человека. Такое решение никак не сказывалось на положении невольников, но его символизм был оскорбителен для морального чувства тех, кто верил в неотъемлемые права человека [Davis].

В процессе ратификации антифедералистам удалось добиться частичного успеха. Под давлением некоторых штатов и при поддержке Томаса Джефферсона в текст конституции был включен так называемый «Билль о правах» – десять поправок, гарантирующих нерушимые права граждан, на которые правительство не имеет права посягать [Lim, p. 1–29]. Однако эти поправки были приняты только в 1791 г., когда «Путешествие из Петербурга в Москву» было уже напечатано, а его автор отправлен в ссылку.

Аргументы авторов двух процитированных сочинений были типичны для аболиционистского крыла антифедералистов, видевших в решениях конвента угрозу основам американской свободы. Радищев не был знаком с этими сочинениями и не имел возможности непосредственно следить за дискуссией о конституции. Американская периодика вряд ли была ему доступна, и отражение событий американской революции в русской периодике было ограниченным [Старцев, 1990, с. 292–299; Болховитинов, с. 93–118]. Главные сведения Радищева о происходившем в Северной Америке должны были иметь прежде всего французское происхождение.

Во Франции в преддверии революции американские события и споры вызвали огромный интерес. Ведущие мыслители считали своим долгом высказываться на эту тему и поддерживали близкие отношения с лидерами американской революции, которые часто посещали Париж и чьи труды активно переводились на французский. Послами США во Франции были сначала Б. Франклин, а потом Т. Джефферсон [Echeverria]. Едва ли можно допустить, что круг французских источников представлений Радищева об американской революции ограничивался знаменитым трудом Рейналя.

26 января 1787 г. Радищев извещал А. Р. Воронцова: «От Дубровского получил книг с десять, но не могу еще сказать, какие, ибо еще смерзлись; снаружи видно, что оне попортились» [Радищев, 1938–1952, т. 3, с. 325]. Петр Петрович Дубровский был секретарем российского посольства в Париже и снабжал Воронцова книгами. Через месяц Радищев писал Воронцову о содержании посылки:

Книги, доставленные ко мне от господина Дубровского, суть следующие: *Mémoires de Voltaire, Un défenseur du peuple à Joseph, La vie de Voltaire, Le triomphe du nouveau monde* 2 vol., *Les fastes de Louis XV*, 2 vol. Сии последние в худом очень состоянии, так что многие листы слиняли; прочие же хотя на взгляд нехороши, но внутренние листы все целы [Радищев, 1938–1952, т. 3, с. 326].

Этот список дает представление, какой именно литературой снабжал Воронцова Дубровский. Двухтомный труд Жана Андре Брюна Ла Комба «Триумф Нового Света» вышел в 1785 и был запрещен в 1786 г. [Arrêt]. Мемуары Вольтера были впервые опубликованы посмертно пиратским способом в 1784 г. и вызвали скандал негативным изображением прусского короля. Памфлет Жака Пьера Бриссо де Варвилля «Второе письмо защитника народа императору Иосифу II о его правлении, и в особенности о восстании валахов» (1785) отстаивал право народа на восстание. После его появления Бриссо, только что освободившийся из Бастилии, был вынужден покинуть Францию. Оказавшаяся испорченной книга «Излишества Людовика XV, его министров, любовниц, генералов и других замечательных людей его двора» вышла нелегально в 1782 г. под псевдонимом Буфонидор и принадлежала перу известного авантюриста и либертена Анж Гудара. Наконец, «Жизнь Вольтера» – это или первая опубликованная биография мыслителя, написанная аббатом Теофилом Дюверне и напечатанная в 1786 г. в Женеве, или эссе Кондорсе, представлявшее собой интеллектуальную историю Просвещения. Оно впервые появилось в печати только в 1789 г. в последнем томе собрания сочинений Вольтера вместе с его мемуарами, но было начерно закончено уже в 1783 г. [Gil, p. 323]. Не исключено, что Дубровский мог иметь доступ к рукописи Кондорсе, которую он отдал переписать и переплести для отправки в Петербург.

В любом случае сановного корреспондента интересовали прежде всего запрещенные и скандальные сочинения. Через несколько месяцев Радищев разочаровал Воронцова сообщением, что «книг нынешний год доселе на имя вашего сиятельства еще не было», и привел куда менее увлекательный перечень изданий, легально привезенных на продажу, в котором также был труд, частично посвященный американской тематике: «*Tableau général de commerce de l'Europe avec les Indes*» («Общая картина европейской торговли с Африкой, восточными Индиями и Америкой», 1787). Радищев называет эту книгу «опровержением или дополнением красноречивой книги г. Реналя» [Радищев, 1938–1952, т. 3, с. 329], скорее всего, не зная, что Рейналь был в числе ее довольно многочисленных соавторов.

В 1780 г. Рейналь объявил конкурс на лучшее сочинение на тему «Было ли открытие Америки благодетельным или пагубным для человеческого рода?». В 1783 г. этот конкурс популяризировала Лионская академия. В течение шести лет было опубликовано восемь изданий, авторы которых разделились на сторонников и противников Амери-

ки ровно пополам. Среди «американофильских» сочинений первым в 1785 г. появился на свет труд Брюна Ла Комба, который Дубровский послал Воронцову, причем его связь с конкурсом, объявленным Рейналем, была анонсирована на титульном листе. Трудно себе представить, чтобы Радищев не познакомился с этим сочинением, которое уже находилось в его руках.

«Триумф Нового Света» ни в каком отношении не был выдающимся произведением. Большая его часть заполнена довольно путанными рекомендациями о том, как должны быть устроены наследственное право, налоговая система, практика государственных наград и отличий и пр. Как и многие французские просветители XVIII столетия, Ла Комб был уверен в универсальном характере своих рецептов и хотел законодательствовать за тысячи километров, даже не пытаясь претендовать на то, что что-то знает о ситуации в Америке. Для него это был пример новой страны, начинающей историю с чистого листа и не имеющей традиции дурных учреждений.

Тем не менее, «Триумф Нового Света» дает представление о характере заданной Рейналем дискуссии и умонастроениях ее участников. Уже в первой фразе предисловия Ла Комб пишет об «ужасном обращении, которому европейцы подвергли несчастных американцев», о «миллионах людей, принесенных в жертву нашей ненасытной жадности, нашей убийственной ярости», о том, что «новая земля обрабатывается людьми, подверженными гнусному рабству» [La Combe, p. 1–2]. Автор все-таки приходит к выводу, что возникновение нового свободного государства может оказаться в конечном счете благотворительным для человечества, поскольку дает надежду на установление невиданного процветания и вечного мира [La Combe, p. 19–20].

Рассуждения эти близки Радищеву. В главе «Хотиллов» он пишет:

...заклав индийцов единовременно, злобствующие европейцы, проповедники миролюбия во имя бога истины, учителя кротости и человеколюбия, к корени яростного убийства завоевателей прививают хладнокровное убийство порабощения приобретением невольников куплею [Радищев, 1992, с. 69].

По-видимому, во время работы над ранней редакцией «Вольности» он мог бы согласиться с Ла Комбом в оценке не только ужасов покорения Нового Света, но и блистательных перспектив нового континента. Ко времени написания «Путешествия» он уже отошел от двойственного ответа на поставленный Рейналем вопрос к одномерно отрицательному.

Речь здесь идет не о каком-либо «влиянии» автора «Триумфа Нового Света» на Радищева, но о погруженности русского автора во французскую, а через нее и американскую дискуссию о прошлом, настоящем и будущем США. Он был осведомлен об этой дискуссии далеко не только по труду Ла Комба. Уже из Тобольска Радищев бла-

годарил Воронцова за присылку французских газет и популярного литературно-политического еженедельника *Mercure de France*:

Кажется (таков-то человек!), что бумажка его преселяет на место происшествий, и за 6000 верст я прошедшее зрю настоящим и на самом месте деяния. Блажен, сказал я, живущий в воображении!.. Посредством Меркюра я не раззнакомился с французскою литературою [Радищев, 1938–1952, т. 3, с. 359].

В 1780-е гг. после появления трудов Рейналя больше и серьезней всех об Америке писал Никола Кондорсе, друг и корреспондент Франклина, Джефферсона и Пейна, видевший в американской революции провозвестие торжества свободы, равенства и просвещения в Европе [Dirpel]. 2 мая 1791 г., в очередной раз благодаря Воронцова за присылку книг, Радищев писал ему из Тобольска:

«Библиотека общественного человека», хотя повременное издание, отличается по подбору печатаемых сочинений, и одно имя Кондорсе уже говорит в его пользу. Признаюсь, что мне бы очень хотелось прочесть творения Кондорсе, а также его комментарии к книге англичанина Смита [Радищев, 1938–1952, т. 3, с. 370].

Ежемесячный сборник «Библиотека общественного человека», ставивший целью познакомить французского читателя со всеми достижениями современной мысли, начал выходить в 1790 г. На титульном листе его издателями были обозначены Кондорсе, Шарль Пейсоннель и Исаак-Рене-Ги Ле Шапелье, которым принадлежала большая часть печатавшихся в журнале статей. Имя Кондорсе привлекло особое внимание Радищева.

Перевод первых трех частей «Богатства народов» Адама Смита на французский язык появился в 1790 г. Его дайджест был опубликован в третьей и четвертой книгах «Библиотеки» за тот же год. Вероятно, он принадлежал перу Кондорсе, который был учеником физиократов и интересовался экономическими идеями Смита. Там же были анонсированы примечания Кондорсе к «Богатству народов», которые должны были появиться вместе с заключительными частями перевода. Скорее всего, именно эти выпуски «Библиотеки» прислал Радищеву Воронцов. Четвертая часть перевода «Богатства народов» вышла в следующем 1791 г., а две последних не появились вовсе. Не появились в печати и обещанные примечания. Неизвестно, были ли они вообще написаны [Diatkine, p. 213–215; Pisanelli, p. 132].

Письмо Воронцову, где Радищев говорит о Кондорсе, написано по-французски, и его приведенный выше перевод не вполне точен. Фраза «признаюсь, что мне бы очень хотелось прочесть творения Кондорсе» указывает на то, что Радищев знает имя философа, но еще не имел возможности познакомиться с его сочинениями. Между тем

использованная в оригинале формула «J'avoue que je l'aurais désiré de lire» («Признаюсь, что мне бы хотелось его читать») [Радищев, 1938–1952, т. 3, с. 368] скорее представляла собой слегка завуалированную просьбу продолжать присылку томов издания, где публикуется знаменитый мыслитель, – Радищев с его постоянным интересом к интеллектуальной жизни Франции, по-видимому, был знаком с трудами Кондорсе.

Центральной проблемой небольшой книги (или брошюры) Кондорсе «Влияние революции в Америке на общественное мнение и законодательство в Европе», вышедшей в 1786 г. в рамках объявленного Рейналем конкурса, являются неотъемлемые права человека. По мнению Кондорсе, эти права можно свести к четырем простым принципам, которые он расположил по иерархии: это, во-первых, безопасность, то есть право жить по своему усмотрению, не опасаясь внешнего принуждения, во-вторых, право распоряжаться своей собственностью, в-третьих, равенство перед законами и, в-четвертых, право непосредственно или через представителей участвовать в создании этих законов [Condorcet, 1847–1849, vol. 8, p. 5–6].

Как писал Кондорсе, недостаточно, чтобы права человека

...были записаны в философских сочинениях или сердцах добродетельных людей, надо, чтобы непросвещенный или слабый мог прочесть их в примере, поданном великим народом. Америка дала нам такой пример. Ее декларация независимости – это простое и возвышенное выражение этих прав, столь священных и столь долго преданных забвению. Ни один народ не знал и не хранил их в такой совершенной целостности [Ibid., p. 11].

Философ не умолчал о главном пороке американского общества, но выразил надежду на то, что он окажется преходящим:

Надо признать, что рабство негров еще сохранилось в некоторых из Соединенных Штатов, но все просвещенные люди воспринимают это как позор и опасность, и это пятно не будет долго омрачать чистоту американских законов [Ibid., p. 11–12].

Кондорсе упомянул и некоторые другие недостатки американского законодательства вроде частичных ограничений принципа веротерпимости, косвенных налогов, барьеров для торговли, нарушающих права собственности, и пр., но не сомневался, что эти рудименты английского права окажутся несовместимыми с духом свободы и равенства, господствующим в новой республике. Решающим фактором, определившим влияние американской революции на Европу, стал исход войны за независимость. Победа англичан помогла бы утвердиться традиционным представлениям о силе и вечности деспотизма, между тем как успех колонистов в корне подрывал эти представления. Этому успеху способствовали институты нового общества,

основанные на естественных правах человека, – этим институтам суждено оказывать благотворное воздействие и на судьбы Европы.

Прежде всего Кондорсе выделяет свободу прессы – ту сторону американского общественного устройства, о которой Радищев с одобрением отзывался в «Путешествии...», даже пережив разочарование в других государственных установлениях США. Как пишет французский философ, «право говорить и выслушивать истины, которые ты считаешь полезными», принадлежит «к самым священным правам человечества». Не менее важной для свободного государства оказывается добровольность военной службы, побуждающей граждан храбро сражаться и отдавать жизни за страну, которую они считают своей [Condorcet, 1847–1849, vol. 8, p. 16–18].

Кондорсе особо остановился на равенстве американцев перед законом. «Мы больше не верим, – писал он, – что природа разделила человеческий род на три или четыре сословия... одно из которых она приговорила много работать и мало есть» [Ibid., p. 19]. По его мнению, огромные пространства Америки делают ее идеальным местом для развития земледелия, и именно труд свободных земледельцев является основой благосостояния страны, а плоды этого труда – самым выгодным экспортом. Возникшая таким образом коммерческая держава поможет (здесь Кондорсе совпадает с Ла Комбом) утвердить мирные отношения между государствами, от которых зависит и процветание Европы. В том же году вышел французский перевод «Записок о Вирджинии», написанных собеседником и корреспондентом Кондорсе Т. Джефферсоном, где отстаивался республиканский идеал Америки как страны свободных землевладельцев [Покок, с. 741–752].

Брошюра Кондорсе и некоторые другие его сочинения на американские темы вошли также в состав четырехтомного труда Филиппо Маццеи «Исторические и политические исследования о Североамериканских Соединенных штатах» (1788). Республиканец и аболиционист Маццеи более десятилетия жил в Америке, где купил имение по соседству с Джефферсоном. Ему иногда приписывается авторство знаменитой фразы из Декларации Независимости «Все люди созданы равными» [Schiavo, p. 84]. Четыре тома Маццеи представляли самый обширный свод сведений об истории, законодательстве, политическом устройстве, географии и экономике всех североамериканских штатов, который был доступен европейскому читателю. В заключительной части четвертого тома этого труда была перепечатана брошюра Кондорсе, к которой автор специально написал «Дополнение», содержавшее обзор последних политических событий в США, включая одобрение континентальным конвентом проекта конституции. Том завершался публикацией этого проекта, сопровождавшейся комментариями Кондорсе.

Издание Маццеи должно было иметь в большой степени пропагандистский характер в условиях яростной и политически ангажированной полемики об американском опыте [Echevarria, p. 116–174]. Кондорсе не был заинтересован в том, чтобы дискредитировать но-

вую республику в глазах читателей. Он высоко оценил и сам факт принятия конституции, и ее содержание, но не мог и не хотел скрывать своих опасений. Философ изложил их в форме примечаний к отдельным статьям проекта [Mazzei, vol. 4, p. 340–363], причем его претензии были очень серьезными.

Прежде всего Кондорсе смущала сложность конструкции, предложенной отцами-основателями. Неотъемлемые права человека, с его точки зрения, очень просты, и основанная на них система правления должна быть тоже простой. Кондорсе был убежден, что единственной законной властью является собрание народных представителей, полномочия которого могут и должны быть ограничены только аналогичными собраниями более низкого уровня. Горизонтальное разделение властей могло, с его точки зрения, приводить только к гражданским конфликтам и тяготам для народа. В примечаниях к американской конституции это возражение сформулировано достаточно осторожно, но в написанном в следующем году эссе «Идеи о деспотизме» оно заявлено с абсолютной прямоотой: «Чтобы опровергнуть эту абсурдную систему (разделение властей), мы ограничимся единственным рассуждением. Перестанет ли раб с двумя господами, часто несогласными между собой, быть рабом?» [Condorcet, 1847–1849, vol. 9, p. 150].

Кондорсе подверг критике двухпалатный парламент, шестилетний срок полномочий сенаторов, который неизбежно должен был оторвать их от избирателей, и избыточные права, переданные от легислатур штатов федеральному Конгрессу. Особенно глубокие сомнения вызывал у него институт президентской власти. Механизм всенародного избрания делал, с точки зрения Кондорсе, неизбежным предпочтение, которое будет оказано более известному перед более достойным; право вето ставило президента над Конгрессом, а отсутствие ограничений на срок его пребывания у власти грозило фактическим восстановлением монархии.

Свои рассуждения Кондорсе заключил переводом письма Франклина Вашингтону, зачитанного в заключительный день работы конвента. Признавая несовершенства предлагаемой конституции, Франклин все же обратился к законодательным собраниям штатов с призывом ее ратифицировать. В частном письме к Франклину, написанном в июле 1788 г., Кондорсе соглашался с необходимостью принять предложенный текст, но сетовал на аристократический дух, который распространяется среди американских законодателей, и выражал надежду, что «возражения окажутся достаточно сильными, чтобы сделать необходимым созыв нового конвента через несколько лет» [Condorcet, 2012, p. 129].

В «Примечаниях» Кондорсе останавливался на тех слабостях проекта конституции, которые, как ему казалось, препятствовали осуществлению права участвовать в управлении государством и составлении законов. С его точки зрения, конституция принималась на время, а самые фундаментальные права человека должны быть

гарантированы вечной и ненарушимой декларацией². В «Идеях о деспотизме» он недвусмысленно выразился по этому поводу:

Единственный способ предотвратить тиранию и нарушение прав человека – это собрать эти права в декларации, ясно и детально разъяснить их и торжественно опубликовать эту декларацию, установив, что законодательная власть, в какой бы форме она ни формировалась, не имеет права предписывать ничего, что бы противоречило статьям декларации [Condorcet, 1847–1849, vol. 9, p. 165].

Точно так же «Примечания» умалчивают о проблеме рабства, которой Кондорсе придавал особое значение [Dockes; Jurt]. Об этом шла речь еще в его «Размышлениях о рабстве негров», опубликованных в 1781 г. под псевдонимом Иоахим Шварц³. В 1788 г. Кондорсе перепечатал эту работу под своим именем и вошел в состав открывшегося во Франции Общества друзей черных, которое вскоре возглавил. Отметим, что первым президентом общества был Бриссо де Варвилль, автор присланной Дубровским Воронцову книги о праве народов восставать против дурных королей. В том же году Бриссо отправился в Америку, а по возвращении опубликовал «Новое путешествие в Североамериканские Соединенные Штаты».

«Размышления о рабстве негров» открывалось утверждением, что «превращение человека в раба, его покупка или продажа – это преступление хуже воровства, поскольку лишает его не только движимой или земельной собственности, но и возможности когда-либо ею обзавестись». Право собственности Кондорсе считал вторым по значимости из человеческих прав. Первым было право на жизнь и безопасность, которого раб также был лишен, поскольку не мог распоряжаться собственным временем и собственными силами – тем, «что дала человеку природа для сохранения жизни и удовлетворения насущных нужд» [Condorcet, 1847–1849, vol. 7, p. 69]. Тем самым, если вор отнимает у жертвы преступления принадлежащую тому собственность, то работорговец и рабовладелец – саму жизнь.

Кондорсе доказывал, что ни существующие в государстве законы, ни экономическое процветание, ни дурные моральные качества рабов, ни соображения их собственной пользы не могут служить оправданиями рабства. Тем не менее, вместо немедленного и полного освобождения он предложил модель поэтапного упразднения рабовладения, растянутого на два-три десятилетия. Философ исходил из практических соображений, делавших одномоментный акт эмансипации трудно реализуемым и чреватым опасными последствиями. Вероятно, поэтому он не отверг с порога проект американской

² О фундаментальных различиях между идеологическими концепциями Декларации Независимости и конституции США см.: [Lim, p. 1–29].

³ Schwartz (нем.) – черный.

конституции – достигнутый компромисс, как он полагал, откладывал осуществление мечты о всеобщем равенстве, но не разрушал ее вовсе.

Однако сомнения не давали ему покоя. В феврале 1789 г., выступая на заседании Генеральных Штатов, он говорил:

В то самое мгновение, когда Америка смогла сбросить оковы, великодушные друзья свободы почувствовали, что *унизят* свое дело, если подтвердят законами право владеть черными рабами. Свободный человек, у которого есть рабы или который одобряет то, что они есть у его согражданина, или виновен в величайшей несправедливости, или должен признать, что свобода – это преимущество, которое добывается силой, а не право, данное природой [Condorcet, 1847–1849, vol. 9, p. 471].

Трудно сказать, пытался ли он убедить других депутатов или самого себя. Он прекрасно знал, что «великодушный друг свободы» Бенджамин Франклин согласился подтвердить законами «право владеть черными рабами», а Томас Джефферсон сам был рабовладельцем. Во второй половине 1789 г. Кондорсе уже как депутат Национального собрания столкнулся с вопросами, схожими с теми, которые пришлось решать американским конституционалистам.

Во Франции рабовладение легально существовало только в центральноамериканских колониях. При определении норм представительства в Национальном собрании плантаторы с острова Сан-Доминго потребовали, чтобы отведенное им число депутатов определялось исходя из общей численности населения острова, включая чернокожих рабов, которые правом голоса не обладали. Делегация Сан-Доминго настаивала, что им положено 21 место в собрании, при том, что количество свободных белых жителей острова давало им право максимум на одно-два места. Кондорсе выступил против этого ходатайства, заявив, что никто не имеет права представлять тех, кто его не избирал, и тем более тех, кого он угнетает, а кроме того, рабовладельцы вообще не имеют права принимать участия в составлении законов для свободного народа. Национальное собрание, как и американский конституционный конгресс, приняло компромиссное решение, выделив для плантаторов шесть мандатов [Dockes].

Можно предположить, что дискуссия вокруг требований депутатов из Сан-Доминго слилась для Радищева со спорами об американской конституции. В главе «Вышний Волочок», которую Радищев ввел в текст «Путешествия» на последнем этапе работы [Западов, с. 514], говорится:

Воспомянул, что в России многие земледельцы не для себя работают; и так изобилие земли во многих краях России доказывает отягченный жребий ее жителей. Удовольствие мое пременялось в равное негодование с тем, какое ощущаю, ходя в летнее время по таможенной пристани, взирая на корабли, привозящие к нам избытки Америки

и драгие ее произращения, как то сахар, кофе, краски и другие, не осушившиеся еще от пота, слез и крови, их омывших при их возделании [Радищев, 1992, с. 74–75].

В 1940 г. А. Старцев предположил, что Радищев имел в виду французские колонии в Центральной Америке, где выращивались сахар и кофе, в то время как рабовладельческие штаты Юга США поставляли на мировой рынок хлопок и табак. Однако потом он под влиянием критики отказался от этой гипотезы [Старцев, 1940, с. 64; Старцев, 1990, с. 305]. Между тем сахарные плантации Сан-Доминго постоянно обсуждались во французской печати революционной поры именно в те месяцы, когда Радищев писал эту главу.

В главе «Хотиллов» вслед за проклятиями в адрес американского рабства и российского крепостничества Радищев поместил «повременные законоположения к постепенному освобождению земледельцев в России». Как полагал К. Лаппо-Данилевский, этот план отражал взгляды А. Р. Воронцова [Лаппо-Данилевский]. В любом случае необходимость поэтапного освобождения крепостных у Радищева, как и постепенной отмены рабства у Кондорсе, была связана с необходимостью считаться с интересами и предубеждениями «высшей власти», которая «недостаточна в силах своих на претворение мнений мгновенно». План этот изложен здесь очень кратко, особенно по сравнению с развернутостью, подробностью и страстностью предшествующих ему инвектив. Вероятно, Радищев считал себя обязанным изложить эту гуманную программу, тем более, если она действительно принадлежала Воронцову, но, в отличие от Кондорсе, уже не верил в ее осуществимость ни в Российской империи, ни во Франции, ни в Америке.

Апологетическое отношение к американской революции было вписано у Радищева и Кондорсе в совершенно различные, если не противоположные историософские концепции. Кондорсе считал, что Америка лишь делает недолгую остановку на предначертанном ей историей и философами пути к свободе, поскольку был даже по меркам французского XVIII в. радикальным историческим оптимистом, верившим в неуклонный, хотя и подверженный временным отступлениям прогресс Просвещения и человеческого общества. Даже яacobинский террор не побудил его отказаться от этой веры. Свой последний труд «Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума» он завершал в укрытии, объявленный вне закона и в ожидании гильотины.

Взгляды Радищева на историю были куда более мрачными. Он представлял ее динамику как бесконечный цикл метаморфоз, когда вольность, возникающая на руинах деспотизма, порождает анархию, которая ведет к новому гнету. «Свобода в наглость превратится / И власти под ярмом падет», – написал он в оде «Вольность», а в прозаическом ее пересказе сформулировал «закон природы», по которо-

му «из мучительства рождается вольность, из вольности рабство...» [Радищев, 1992, с. 136, 102]. Судьба американской свободы стала для Радищева иллюстрацией этого закона. Вероятно, этот горький опыт во многом и определил тот скептицизм, с которым Радищев следил за событиями Французской революции и действиями ее лидеров.

В варианте, в котором «Вольность» вошла в главу «Тверь», она почти полностью утратила следы первоначального замысла. Исчезли американские строфы, а пророчество о будущих Соединенных Штатах России, «малых светилах», «украшенных дружества венцем», было заменено «прорицанием о грядущем жребии отечества, которое разделится на части, и тем скорее, чем будет пространнее» [Радищев, 1992, с. 102]. Ода по-прежнему завершалась описанием «дня, избраннейшего всех дней», но его наступление теперь выглядело как чудо, выходящее за рамки законов природы и истории. В историческом сознании Радищева политика была окончательно вытеснена апокалиптикой. Приключения антифедералиста в России завершились актом гражданского самоубийства, которым стала публикация «Путешествия из Петербурга в Москву».

Список литературы

Болховитинов Н. Н. Россия открывает Америку, 1732–1799. М. : Междунар. отношения, 1991. 302 с.

Живов В. Апокалипсис свободы : Заметки об оде «Вольность» А. Н. Радищева // Venok : Studia slavica Stefano Garzonio sexagenario oblata. Stanford : Stanford Univ. Press, 2012. P. 75–87.

Западов В. А. История создания «Путешествия из Петербурга в Москву» и «Вольности» // Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву. Вольность. СПб. : Наука, 1992. С. 475–623.

Лаппо-Данилевский К. Ю. План постепенного освобождения крестьян в «Путешествии из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева // XVIII век. Сб. 25. СПб. : Наука, 2008. С. 206–232.

Покок Дж. Г. А. Момент Макинавелли : Политическая мысль Флоренции и атлантическая республиканская традиция. М. : Новое лит. обозрение, 2020. 888 с.

Пушьянский Л. В. Ломоносов и немецкая школа разума // XVIII век. Сб. 14. Л. : Наука, 1983. С. 3–44.

Радищев А. Н. Полное собрание сочинений : [в 3 т.]. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1938–1952. Т. 1. 503 с. Т. 3. 676 с.

Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву. Вольность. СПб. : Наука, 1992. 674 с.

Рукишина К. С. Радищев и американская революция // Изв. Акад. наук СССР. Сер. лит. и яз. Т. 35. 1976. № 3. С. 239–251.

Семенников В. П. Ода «Вольность» : Очерк ее литературной истории // Семенников В. П. Радищев : Очерки и исслед. М. ; Пг. : Гос. изд-во, 1923. С. 1–24.

Старцев А. О западных связях Радищева // Интернац. лит. 1940. № 7–8. С. 256–265.

Старцев А. Ода Радищева «Вольность» и американская революция // Старцев А. Радищев. Годы испытаний : очерки. М. : Сов. писатель, 1990. С. 76–92.

Arrêt du conseil d'état de Roi Qui révoque le Privilège du livre intitulé le Triomphe de Nouveaux Monde. Du 5 Mai 1786. Paris.

Bailyn B. Faces of Revolution : Personalities and Themes in the Struggle for American Independence. N. Y. : Knopf, 1990. 320 p.

Bailyn B. The Debate on the Constitution : Federalist and Antifederalist Speeches, Articles and Letter During the Struggle over Ratification : 2 Vols. N. Y. : Literary Classics of the United States, 1993. Vol. 1. 1214 p.

Beck L. Pennsylvania and an Early Russian Radical // *The Pennsylvania Magazine of History and Biography*. Vol. 75. 1951. № 2. P. 193–196.

Borden M. The Anti-Federalist Papers. Ann Arbor : Michigan State Univ. Press, 1965. 258 p.

Condorcet J. Oeuvres : 12 Vols. Paris : Firmin Didot frères, 1847–1849.

Condorcet J. Writings on the United States. University Park : Penn State Univ. Press, 2012. 160 p.

Davis D. The Problem of Slavery in the Age of Revolution, 1770–1823. N. Y. ; Oxford : Oxford Univ. Press, 1999. 160 p.

Diatkine D. A French Reading of the Wealth of Nations in 1790 // *Adam Smith: International Perspectives*. L. : Palgrave Macmillan, 1993. P. 213–223.

Dippel H. Condorcet et la discussion des constitutions américaines en France avant 1789 // *Condorcet Homme des Lumières et de la Révolution*. Fontenay ; Saint-Cloud : ENS Ed., 1997. P. 201–206.

Dockes P. Condorcet et l'esclavage des nègres ou esquisse d'une économie politique de l'esclavage à la veille de la Révolution française // *Idées économiques sous la révolution (1789–1794)*. Lyon : Presses univ. de Lyon, 1989. P. 85–123.

Echeverria D. Mirage in the West. A History of the French Image of American Society to 1815. Princeton : Princeton Univ. Press, 1957. 300 p.

Gil L. Condorcet éditeur de Voltaire dans la révolution : le volume 70 des «Oeuvres complètes de Voltaire», Kehl 1789 // *Revue d'Histoire littéraire de la France*. 2016. № 2 (116). P. 315–336.

Graham M. Presidents' Secrets : The Use and Abuse of Hidden Power. N. Haven ; L. : Yale Univ. Press, 2017. 272 p.

Jurt J. Condorcet et les colonies // *Proceedings of the Meeting of the French Colonial Historical Society*. 1992. Vol. 15. P. 9–21.

Kolchin P. American Slavery: 1619–1877. N. Y. : Hill and Wang, 1993. 352 p.

La Combe J. Le Triomphe du Nouveaux Monde. Paris : Chez d'auteur, 1785. 242 p.

Lim E. The Lovers' Quarrel : The Two Foundings and American Political Development. N. Y. : Oxford Univ. Press, 2014. 288 p.

Mazzei F. Recherches historiques et politiques sur les Etats-Unis : 4 vols. Paris : Chez Froulli, 1788. Vol. 4. 292 p.

Pisanelli S. Adam Smith and the Marquis de Condorcet. Did They Really Meet? // *Iberian J. of the History of Economic Thought*. Vol. 2. 2015. No. 1. P. 21–35. DOI 10.5209/rev_IJHE.2015.v2.n1.49771.

Schiavo G. Philip Mazzei: One of America's Founding Fathers. N. Y. : Vîgo Press, 1951. 182 p.

Siemers D. J. The Antifederalists: Men of Great Faith and Forbearance. Lanham ; Oxford : Rowman & Littlefield, 2003. 304 p.

Wills G. Cincinnatus: George Washington and the Enlightenment. Garden City : Doubleday, 1984. 272 p.

References

Arrêt du conseil d'état de Roi Qui révoque le Privilège du livre intitulé le Triomphe de Nouveaux Monde. Du 5 Mai 1786. Paris.

Bailyn, B. (1990). *Faces of Revolution: Personalities and Themes in the Struggle for American Independence*. N. Y., Knopf. 320 p.

Bailyn, B. (1993). *The Debate on the Constitution. Federalist and Antifederalist Speeches, Articles and Letter during the Struggle over Ratification. 2 Vols*. N. Y., Literary Classics of the United States. Vol. 1. 1214 p.

Beck, L. (1951). Pennsylvania and an Early Russian Radical. In *The Pennsylvania Magazine of History and Biography*. Vol. 75. No. 2, pp. 193–196.

- Bolkhovitinov, N. N. (1991). *Rossiya otkryvaet Ameriku, 1732–1799* [Russia Discovers America, 1732–1799]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya. 302 p.
- Borden, M. (1965). *The Anti-Federalist Papers*. Ann Arbor, Michigan State Univ. Press, 258 p.
- Condorcet, J. (1847–1849). *Oeuvres. 12 Vols.* Paris, Firmin Didot frères.
- Condorcet, J. (2012). *Writings on the United States*. University Park, Penn State Univ. Press. 160 p.
- Davis, D. (1999). *The Problem of Slavery in the Age of Revolution, 1770–1823*. N. Y., Oxford, Oxford Univ. Press. 160 p.
- Diatkine, D. (1993). A French Reading of the Wealth of Nations in 1790. In *Adam Smith: International Perspectives*. L., Palgrave Macmillan, pp. 213–223.
- Dippel, H. (1997). Condorcet et la discussion des constitutions américaines en France avant 1789. In *Condorcet Homme des Lumières et de la Révolution*. Fontenay, Saint-Cloud, ENS Ed., pp. 201–206.
- Dockes, P. (1989). Condorcet et l'esclavage des nègres ou esquisse d'une économie politique de l'esclavage à la veille de la Révolution française. In *Idées économiques sous la révolution (1789–1794)*. Lyon, Presses univ. de Lyon, pp. 85–123.
- Echeverria, D. (1957). *Mirage in the West. A History of the French Image of American Society to 1815*. Princeton, Princeton Univ. Press. 300 p.
- Gil, L. (2016). Condorcet éditeur de Voltaire dans la révolution : le volume 70 des «Oeuvres complètes de Voltaire», Kehl 1789. In *Revue d'Histoire littéraire de la France*. No. 2 (116), pp. 315–336.
- Graham, M. (2017). *Presidents' Secrets: The Use and Abuse of Hidden Power*. New Haven, L., Yale Univ. Press, 272 p.
- Jurt, J. (1992). Condorcet et les colonies. In *Proceedings of the Meeting of the French Colonial Historical Society*. Vol. 15, pp. 9–21.
- Kolchin, P. (1993). *American Slavery: 1619–1877*. N. Y., Hill and Wang. 352 p.
- La Combe, J. (1785). *Le Triomphe du Nouveau Monde*. Paris, Chez d'auteur. 242 p.
- Lappo-Danilevskii, K. Yu. (2008). Plan postepenno go osvobodzheniya krest'yan v "Puteshestvii iz Peterburga v Moskvu" A. N. Radishcheva [Plan for the Gradual Liberation of Serfs in A Journey from St Petersburg to Moscow by A. N. Radishchev]. In *XVIII vek*. Coll. 25. St Petersburg, Nauka, pp. 206–232.
- Lim, E. (2014). *The Lovers' Quarrel: The Two Foundings and American Political Development*. N. Y., Oxford Univ. Press. 288 p.
- Mazzei, F. (1788). *Recherches historiques et politiques sur les Etats-Unis. 4 Vols.* Paris, Chez Froulli. Vol. 4. 292 p.
- Pisanelli, S. (2015). Adam Smith and the Marquis de Condorcet. Did They Really Meet? In *Iberian J. of the History of Economic Thought*. Vol. 2. No. 1, pp. 21–35. DOI 10.5209/rev_IJHE.2015.v2.n1.49771.
- Pocock, J. G. A. (2020). *Moment Makiavelli. Politicheskaya mysl' Florentsii i atlanticheskaya respublikanskaya traditsiya* [The Machiavellian Moment. Florentine Political Thought and the Atlantic Republican Tradition]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 888 p.
- Pumpyanskii, L. V. (1983). Lomonosov i nemetskaya shkola razuma [Lomonosov and the German School of Reason]. In *XVIII vek*. Coll. 14. Leningrad, Nauka, pp. 3–44.
- Radishchev, A. N. (1938–1952). *Polnoe sobranie sochinenii v 3 t.* [Complete Works. 3 Vols.]. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. Vol. 1. 503 p. Vol. 3. 676 p.
- Radishchev, A. N. (1992). *Puteshestvie iz Peterburga v Moskvu. Vol'nost'* [A Journey from St Petersburg to Moscow. Ode to Liberty]. St Petersburg, Nauka. 674 p.
- Rukshina, K. S. (1976). Radishchev i amerikanskaya revolyutsiya [Radishchev and the American Revolution]. In *Izvestiya Akademii nauk SSSR. Seriya literatury i yazyka*. Vol. 35. No. 3, pp. 239–251.
- Schiavo, G. (1951). *Philip Mazzei: One of America's Founding Fathers*. N. Y., Vigo Press. 182 p.

Semennikov, V. P. (1923). Oda “Vol’nost’”. Ocherk ee literaturnoi istorii [Ode to Liberty. An Essay on Its Literary History]. In Semennikov, V. P. *Radishchev. Ocherki i issledovaniya*. Moscow, Petrograd, Gosudarstvennoe izdatel’stvo, pp. 1–24.

Siemers, D. J. (2003). *The Antifederalists: Men of Great Faith and Forbearance*. Lanham, Oxford, Rowman & Littlefield. 304 p.

Startsev, A. (1940). O zapadnykh svyazyakh Radishcheva [On the Western Connections of Radishchev]. In *Internatsional’naya literatura*. No. 7–8, pp. 256–265.

Startsev, A. (1990). Oda Radishcheva “Vol’nost’” i amerikanskaya revolyutsiya [Radishchev’s *Ode to Liberty* and the American Revolution]. In Startsev, A. *Radishchev. Gody ispytaniy. Ocherki*. Moscow, Sovetskii pisatel’, pp. 76–92.

Wills, G. (1984). *Cincinnatus: George Washington and the Enlightenment*. Garden City, Doubleday. 272 p.

Zapadov, V. A. (1992). Istoriya sozdaniya “Puteshestviya iz Peterburga v Moskvu” i “Vol’nosti” [The History of Writing *A Journey from St Petersburg to Moscow and Ode to Liberty*]. In Radishchev, A. N. *Puteshestvie iz Peterburga v Moskvu. Vol’nost’*. St Petersburg, Nauka, pp. 475–623.

Zhivov, V. (2012). Apokalipsis svobody. Zametki ob ode “Vol’nost’” A. N. Radishcheva [The Apocalypse of Freedom. Notes on *Ode to Liberty* by A. N. Radishchev]. In *Venok: Studia slavica Stefano Garzonio sexagenario oblata*. Stanford, Stanford Univ. Press, pp. 75–87.

The article was submitted on 27.01.2021